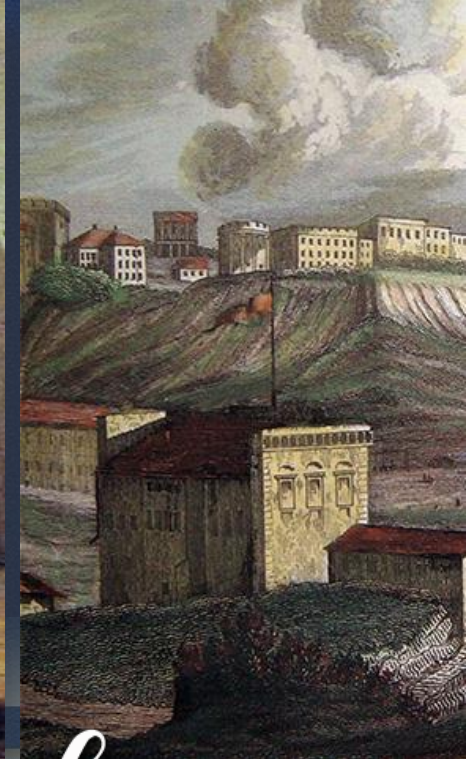
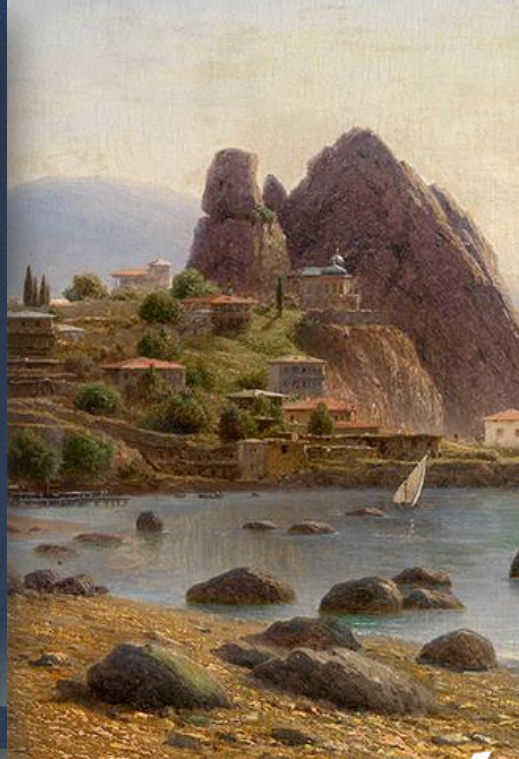

Александр Сергеевич Пушкин

Южная ссылка (май 1820 – август 1824)

Пушкин выехал из Петербурга на юг 6 мая 1820 года, официально – к новому месту службы, а на самом деле – в ссылку, в забытый Богом Кишинев. В широкополой поярковой шляпе, в плаще, накинутом поверх красной русской рубашки, он проехал по Белорусскому тракту, через Могилёв и Киев в Екатеринослав. Во время этой поездки Пушкин увидел Российскую Империю: безбрежность степей, просторы рек, снежные горы, волшебный край Тавриды, Черное море, старый Киев, Малороссия, Новороссия, полуотуреченная Бессарабия, пестрота племен, наречий, одежд, обычаев – словом, нестоличную, а подлинную Россию, могучую, огромную, быстро растущую.

На новом месте службы Александр Сергеевич заболевает воспалением лёгких: *«Приехав в Екатеринославль, я соскучился, поехал кататься по Днепру, выкупался и схватил горячку»*. Для лечения он с семьей Раевских выехал в конце мая 1820 года на Кавказ, а затем в Крым. Кавказские ключи освежили и тело, и душу поэта. После четырёхлетнего пребывания на юге Пушкин ни разу не был серьёзно болен.

Он писал брату: *«2 месяца жил я на Кавказе; воды мне были очень нужны и чрезвычайно помогли, особенно серные горячие. Жалею, мой друг, что ты со мною вместе не видал великолепную цепь кавказских гор; ледяные их вершины, которые издали, на ясной заре, кажутся странными облаками, разноцветными и недвижными; жалею, что не всходил со мною на острый верх пятихолмного Бешту, Машука, Железной горы, Каменной и Змеиной. Кавказский край, знойная граница Азии, любопытен во всех отношениях»*.

О роли Кавказа в жизни Пушкина Гоголь писал: *«Судьба как нарочно забросила его туда, где границы России отличаются резкою, величавою характерностью; где гладкая неизмеримость России прерывается подоблачными горами и обвеивается югом. Исполинский, покрытый вечным снегом Кавказ, среди знойных долин, поразил его; он, можно сказать, вызвал силу души его и разорвал последние цепи, которые ещё тяготели на свободных мыслях»* (1832).

Первый год жизни Пушкина на юге переплетается с жизнью Раевских. Семья Раевских была крепкая, дружная, красивая по внешности и по своеобразному сочетанию просвещения и традиций, чувства собственного достоинства, чести и беззаветной преданности престолу и Отечеству.

Из письма Пушкина к брату: *«Счастливейшие минуты жизни моей провел я посреди семейства почтенного Раевского. Свидетель Екатерининского века, памятник 12 года, человек без предрассудков, с сильным характером и чувствительный, он невольно привяжет к себе всякого, кто только достоин понимать и ценить его высокие качества. Суди, был ли я счастлив: свободная, беспечная жизнь в кругу милого семейства; жизнь, которую я так люблю и которой никогда не наслаждался; счастливое полуденное небо; прелестный край; природа, удовлетворяющая воображение; – горы, сады, море»* (24 сентября 1820 г.).

На Кавказе Пушкин не написал ничего, кроме эпилога к «Руслану и Людмиле», в котором он жаловался, что его душа *«полна томительною думой, но огонь поэзии погас»*. Это было то обманчивое ощущение пустоты, которое предшествует у настоящего художника набегам творчества.

*Забытый светом и молвою,
Далече от берегов Невы,
Теперь я вижу пред собою
Кавказа гордые главы.
Над их вершинами крутыми,
На скате каменных стремнин,
Питаюсь чувствами немymi
И чудной прелестью картин
Природы дикой и угрюмой;
Душа, как прежде, каждый час
Полна томительною думой—
Но огонь поэзии погас.*

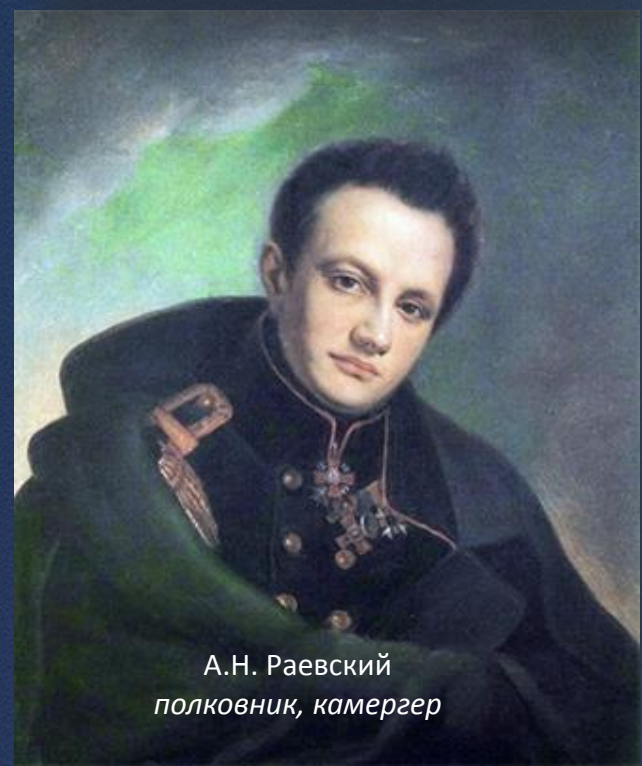
*Ищу напрасно впечатлений:
Она прошла, пора стихов,
Пора любви, веселых снов,
Пора сердечных вдохновений!
Восторгов краткий день протек—
И скрылась от меня навек
Богиня тихих песнопений...*

Николай Николаевич Раевский, русский полководец,
герой Отечественной войны 1812 года, генерал от кавалерии

Николай Николаевич Раевский
генерал-лейтенант, участник
Кавказских войн, основатель
Новороссийска

А.Н. Раевский
полковник, камергер

5 августа Пушкин с семьей генерала Раевского выехали из Горячеводска в Крым. Больше недели ехали они через предгорья и степи Северного Кавказа.

Три недели прожил Пушкин в Гурзуфе, отголоски этих ярких дней много лет будут звучать в его поэзии. В письме к Дельвигу он писал: *«В Юрзуфе жил я сиднем, купался в море и обедался виноградом; я тотчас привык к полуденной природе и наслаждался ею со всем равнодушием и беспечностью неаполитанского lazzaroni. Я любил, проснувшись ночью, слушать шум моря – и заслушивался целые часы»* (декабрь 1824 г.).

Пушкин был «влюблён безумно» и в красоту Кавказа, и в женственную прелесть Крыма:

*Редеев облаков летучая гряда.
Звезда печальная, вечерняя звезда!
Твой луч осеребрил увядшие равнины,
И дремлющий залив, и черных скал вершины.
Люблю твой слабый свет в небесной вышине;
Он думы разбудил, уснувшие во мне:
Я помню твой восход, знакомое светило,
Над мирною страной, где все для сердца мило,
Где стройны тополи в долинах вознеслись,
Где дремлет нежный мирт и темный кипарис,
И сладостно шумят полуденные волны.*

1820

*Так, если удаляться можно
Оттоль, где вечный свет горит,
Где счастье вечно, непреложно,
Мой дух к Юрзуфу прилетит.
Счастливым край, где блещут воды,
Лаская пышные берега,
И светлой роскошью природы
Озарены холмы, луга,
Где скал нахмуренные своды...*

«Таврида». 16 апреля 1822

И.К. Айвазовский. Пушкин на берегу Черного моря. 1887

В Кишинев Пушкин приехал 21 сентября, пробыл там до середины ноября, затем на три с лишним месяца уехал в Каменку, знаменитое имение матери генерала Н. Н. Раевского, Е. Н. Давыдовой. В Каменке ему отводили комнату во флигеле, где были библиотека и бильярд. Ему прекрасно там работалось: лежа на бильярде, Пушкин писал часами, разбрасывая вокруг себя исписанные стихами клочки бумаги.

«Вот уже восемь месяцев, как я веду странническую жизнь... Был я на Кавказе, в Крыму, в Молдавии и теперь нахожусь в Киевской губернии, в деревне Давыдовых, милых и умных отшельников, братьев генерала Раевского. Время моё протекает между аристократическими обедами и демагогическими спорами. Общество наше, теперь рассеянное, было недавно разнообразная и веселая смесь умов оригинальных, людей известных в нашей России, любопытных для незнакомого наблюдателя» (4 декабря 1820 г., Каменка).

Только к лету поэт окончательно осел в Кишиневе, где и прожил до переезда в Одессу в июле 1823 года. Эти свободные перемещения показывают, что причисленный к Коллегии иностранных дел коллежский советник Пушкин, высланный за вольнодумство на юг, попал к снисходительному начальнику. Между опальным молодым поэтом и начальником Бессарабского края генералом Иваном Никитичем Инзовым установились своеобразные отношения: не столько Пушкин приспосабливался к требованиям Инзова, сколько Инзов считался со своим подчиненным.

Портрет И.И. Инзова
Мастерская Дж. Доу

Иван Никитич Инзов, добрый и снисходительный к другим, к себе был строг и требователен. Благочестивый, религиозный, целомудренный, он терпел вольные шутки и шалости Пушкина, приютил поэта у себя в доме. Его участливое отношение к Пушкину началось еще с Екатеринослава, когда Инзов отпустил больного Пушкина в отпуск для путешествия с Раевскими.

Инзову не раз приходилось отвечать на секретные запросы властей о том, что делает, о чём думает поэт? И он отвечал: *«Коллежский секретарь Пушкин, живя в одном со мной доме, ведет себя хорошо и при настоящих смутных обстоятельствах не оказывает никакого участия в сих делах. Я занял его переводом на российский язык составленных по-французски молдавских законов и тем, равно и другими упражнениями по службе, отнимаю способы к праздности. Я уверен, что лета и время образуют его, заставят признать неосновательность умозаключений, посеянных чтением вредных сочинений и принятыми правилами нынешнего столетия»* (28 апреля 1821 г.).

Сам Пушкин писал: *«Генерал Инзов добрый и почтенный старик, он Русский в душе... Он доверяет благородству чувств, потому что сам имеет чувства благородные, не боится насмешек, потому что выше их, и никогда не подвергнется заслуженной колкости, потому что он со всеми вежлив, не опрометчив, не верит вражеским пасквилям».*

М. Ф. Орлов, генерал-майор, участник войны 1812 г.

П. И. Пестель, полковник, декабрист

Среди кишинёвских приятелей поэта, главным образом офицеров, было много просвещённых людей того времени: В. П. Горчаков, В. Ф. Раевский, Н. С. Алексеев, И. П. Липранди, А. Ф. Вельтман, И. Д. Якушкин — все они много читали, увлекались Плутархом, Титом Ливием, Тацитом, Цицероном, изучали мало исследованный бессарабский край. В Кишинёве Пушкин познакомился с П. И. Пестелем, который произвёл на поэта впечатление своим оригинальным умом, но друзьями они не стали.

Трудно было подыскать более неудачное место — с точки зрения властей, стремившихся «исправить» Пушкина, — чем Кишинев 1820 - 1823 годов. Здесь формировались под руководством генерала Александра Ипсиланти силы национально-освободительной борьбы греческого народа; сюда стекались беженцы из охваченных волнениями придунайских княжеств; здесь возникала питательная среда идей национального и социального равенства; сюда, на южную окраину российской империи, быстрее всего стекались вести о европейских революциях — неаполитанской, испанской, португальской.

В Кишиневе располагался штаб «неблагонадёжной» 16-й дивизии 2-й армии. Дивизией командовал близкий петербургский знакомый Пушкина, член «Арзамаса» и «Союза благоденствия», Михаил Фёдорович Орлов, который принадлежал к числу наиболее решительных противников самодержавия и самоотверженных борцов за свободу — тех, кого с 1825 года стали называть декабристами.

В тайное южное общество декабристов Пушкин принят не был. Есть много версий это объясняющих. Одна из них: Пушкин приехал на юг поднадзорным, был на виду у полиции, принять его, значит поставить интересы тайного общества под удар. Но самое правдоподобное объяснение следует из письма декабриста С. Г. Волконского: «Как мне решиться было на это, когда ему могла угрожать плаха».

Дом И.Н. Инзова в Кишиневе

Дом-музей А.С. Пушкина в Кишинёве

Среди кишинёвских знакомых не хватало Пушкину талантливых людей. Непоседливый, смешливый, вспыльчивый, нетерпеливый, он умел быть отличным слушателем, с юности искал людей, которых стоит слушать. Живые встречи давали исход избытку внутренних сил, духовных и душевных, которые били в нем ключом. Общение в Петербурге – Жуковский, Чаадаев, Карамзины, Дельвиг, Тургеневы, арзамасцы, ламписты – удовлетворяли этой потребности. На юге раздвинулись внешние рамки, перед ним развернулась Россия во всём разнообразии, но сузились рамки личной жизни, человеческих отношений.

Несмотря на то, что много Пушкин общался на юге с либералами и заговорщиками, вёл с ними *«разговоры метафизические, политические и нравственные»*, за годы ссылки его вольнолюбивые мечты остыли, в эти годы рождается тяготение его к религии, которое с годами будет расти.

Тяжело дались Пушкину годы изгнания. Он просил А. И. Тургенева походатайствовать за него перед Царем, *«вытребовать меня на несколько дней с моего острова Пафмоса... Мочи нет... как мне хочется недели две побывать в этом пакостном Петербурге...»* (7 мая 1821 г.). Он называл себя ссыльным невольником и всё чаще в письмах к друзьям и в стихах сравнивает себя с другим поэтом-изгнанником, римлянином Овидием, сосланным в древности именно в эти края.

Экспозиции Дома-музея А.С. Пушкина в Кишинёве

В оде «К Овидию» (1821) вылились горькие чувства поэта:

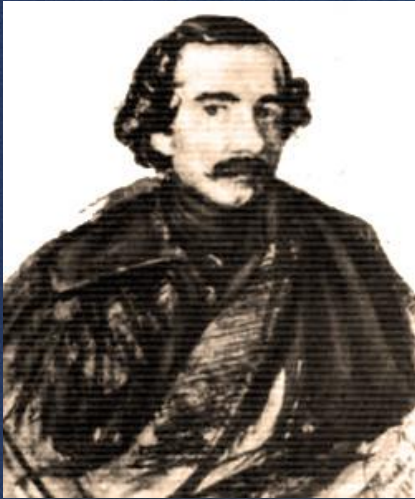
*Овидий, я живу близ тихих берегов...
Твой безотрадный плач места сии прославил...
Как часто, увлечен унылых струн игрою,
Я сердцем следовал, Овидий, за тобою!*

...

*Суровый Славянин — я слез не проливал,
Но понимаю их. Изгнанник самовольный,
И светом, и собой, и жизнью недовольный,
С душой задумчивой, я ныне посетил
Страну, где грустный век ты некогда влачил.*

Кишинёвская жизнь тяготила Пушкина. Внешне она шла на людях: гуляния, встречи, трактирные пирушки, танцы, дуэли, волокитство, однообразная пестрота и веселье провинции. Пушкин в Бессарабии своими дуэлями и дурачествами оправдывал каламбур Вяземского — Бес-Арабский. А внутри — беспокойство, обида на забывчивых друзей, одиночество, тоска по милому северу.

Чувство связанности и одиночества усиливалось: «Пожалейте обо мне: никто не понимает меня. Со мною нет просвещенного Аристарха, пишу как-нибудь, не слыша ни оживительных советов, ни похвал, ни порицаний... Так-то пророчу я не в своей земле, а между тем не предвижу конца нашей разлуки. Здесь у нас молдованно и тошно...» (27 июня 1822 г. Из письма Н.И. Гнедичу).

Владимир Петрович Горчаков
дивизионный квартирмейстер при штабе
16-й дивизии, участник топографической
съёмки Бессарабии, один из ближайших
приятелей Пушкина по Кишинёву

Иван Петрович Липранди, генерал-майор
русской императорской армии, военный
историк, деятель тайной полиции,
автор воспоминаний о Пушкине

Вот как описал своё впечатление от встречи в Кишинёве с поэтом В. П. Горчаков: «Особенно обратил моё внимание вошедший молодой человек, небольшого роста, но довольно плечистый и сильный, с быстрым наблюдательным взором, необыкновенно живой в своих приемах, часто смеющийся в избытке непринужденной веселости и вдруг неожиданно переходящий к думе, возбуждающей участие. Очерки лица его были неправильны и некрасивы, но выражение думы до того увлекательно, что невольно хотелось спросить: что с тобой? какая грусть мрачит твою душу».

И.П. Липранди вспоминал: «Пушкин никому не уступал в готовности на все опасности. Он с особенным вниманием слушал рассказы о военных эпизодах; лицо его краснело и изображало радость узнать какой-либо особенный случай самоотвержения; глаза его блистали, и вдруг часто он задумывался. Не могу судить о степени его славы в поэзии, но могу утвердительно сказать, что он создан был для поприща военного, и на нём, конечно, он был бы лицом замечательным.

Я знал Александра Сергеевича вспыльчивым, иногда до исступления. Но в минуту опасности, когда он становился лицом к лицу со смертью, он обладал в высшей степени невозмутимостью».

Мелькали дни, недели, месяцы, а ссылке Пушкина не видно было конца. В начале 1823 года Пушкин обратился к министру иностранных дел с просьбой о трехмесячном отпуске. Просьба была доложена 21 февраля Государю и отклонена. Для Пушкина этот отказ был тяжким ударом, обострившим чувство ссылки. С этого отказа началась многолетняя, душу выматывающая переписка гениального поэта с важными чиновниками и жандармскими генералами.

*Сижу за решёткой в темнице сырой.
Вскормленный в неволе орёл молодой,
Мой грустный товарищ, махая крылом,
Кровавую пищу клюёт под окном,*

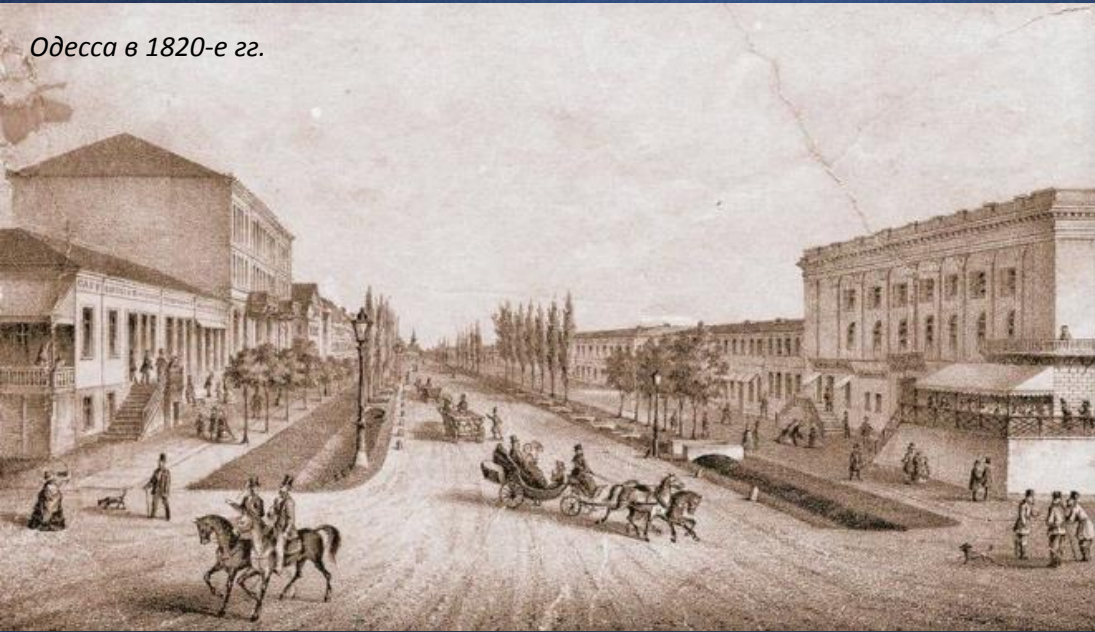
*Клюёт, и бросает, и смотрит в окно,
Как будто со мною задумал одно.
Зовёт меня взглядом и криком своим
И вымолвить хочет: «Давай, улетим!»*

*Мы вольные птицы; пора, брат, пора!
Туда, где за тучей белеет гора,
Туда, где синеют морские края,
Туда, где гуляем лишь ветер... да я!...»*

1822

Весной 1823 года генерал Инзов, который относился к поэту с неизменной доброжелательностью, отпустил его в Одессу, которая по сравнению с Кишинёвом показалась поэту Европой: *«Я оставил мою Молдавию и явился в Европу. Ресторация и Итальянская опера напомнили мне старину и ей Богу обновили мне душу. Между тем приезжает Воронцов, принимает меня очень ласково, объявляют мне, что я перехожу под его начальство, что остаюсь в Одессе».*

Одесса в 1820-е гг.

Оперный театр в Одессе

Пушкинские описания Одессы являются одним из многих примеров сжатой точности его характеристики людей, быта, местности. В его стихах – реалистические картины Одессы, полные точных подробностей и ярких мелочей.

Лучше любого кропотливого исследователя рисует Пушкин город, жизнь в нём, себя в этой жизни.

Он приехал в Одессу весь во власти сложных художественных замыслов. Мечтал о просторе, «о вольном европейском воздухе», а попал в духоту маленького провинциального двора.

Думал писать на свободе, а очутился в толпе мелких чиновников, из среды которых его новый начальник Воронцов не видел нужды выделять.

Успех, сознание своей творческой силы и окрепшее чувство личного достоинства, – всё оказалось в полном противоречии с его общественным положением в Одессе, а главным образом, с отношением высшего представителя государственной власти графа М.С. Воронцова.

Я жил тогда в Одессе пыльной...

Там долго ясны небеса,

Там хлопотливо торг обильный

Свои подьёмлет паруса;

Там все Европой дышит, веет,

Все блещет югом и пестреет

Разнообразностью живой.

Язык Италии златой

Звучит по улице веселой,

Где ходит гордый Славянин,

Француз, Испанец, Армянин,

И Грек, и Молдаван тяжелый,

И сын Египетской земли,

Корсар в отставке, Морали.

*Дом в Одессе, где жил А.С. Пушкин
Ул. Пушкинская (ранее Итальянская), дом 30*

КАВКАЗСКІЙ
ПЛѢННИКЪ,
ПОВѢСТЬ.

Соч. А. ПУШКИНА.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1822.

Несмотря на тяготы ссылки, жизнь Пушкина на юге была полна творчеством и трудом. Здесь Пушкин снова начал «думать стихами», а стих его приобрёл красоту неслыханную:

*И чувствую: в очах родились слезы вновь;
Душа кипит и замирает;
Мечта знакомая вокруг меня летает...*

«Погасло дневное светило». Август, 1820

Если назвать только законченные поэмы и хрестоматийно известные стихотворения, то в этом списке окажутся «Кавказский пленник», «Бахчисарайский фонтан», «Братья-разбойники», «Чаадаеву», «Кинжал», «Черная шаль», «Наполеон», «Гречанка верная! не плачь — он пал героем», «Война», «К Овидию», «В крови горит огонь желанья», «Гречанке» (Ты рождена воспламенять...), «Песнь о вещем Олеге», «Люблю ваш сумрак неизвестный», «Таврида», «В.Ф. Раевскому» (Недаром ты ко мне воззвал), «Послание цензору», «На языке, тебе невнятном», «Узник», «Горишь ли ты, лампада наша», «Адели», «Ф.Н. Глинке» (Когда средь оргий жизни шумной), «Кто, волны, вас остановил», «Улыбка уст, улыбка взоров». Были еще бесчисленные отрывки, наброски, планы, «Исторические замечания.

9 мая 1823 г. в Кишинёве Пушкин начал «Евгения Онегина»...

Общий вывод неопровержим: Пушкин напряжённо работал на юге, как никто умея сочетать самоотверженный труд с самыми различными интересами и встречами.

Quand ce qu'on que le sommeil m'entraîne,
 Elle a passé comme l'éclair des nuits.

LA Fontaine des Fleurs,

POÈME
 De M. Alexandre Pouschkin,

TRADUIT D'APRÈS LE RUSSE

Par J. M. Chénier.

Œuvre de la Société Française d'Éducation.

PARIS,

Comp. Librairie de Vandey-Papre Père et Fils,
 Rue Saint-Louis, N° 36, au Marais, et rue Richelieu, N° 67.
 PONTHEU, Libraire, Palais-Royal, Galerie de Bois.

1826.

БРАТЯ РАЗБОЙНИКИ.

А. ПУШКИНА.

(ПИСАНО ВЪ 1822 ГОДУ.)

Второе издание.

МОСКВА.

ПОГРАФИ АВГУСТА СЕМЕНА,
 ОРСКОЙ МЕД.-ХИРУРГИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ.

1827.

[Handwritten text in Cyrillic script, likely a library or archival record, partially obscured by the book covers.]

Кругом обводит слабей
И видит ^{миротвор} ~~вспыхивающий~~
Надъ нивъ возвышается
Горды разбойничьи
Черной Волноты о
Воинский юноша
Какъ она уфайного тр
И сивинитъ — загрем
Его зажавшихъ ноги
Во, въ глаза уф
Затмивая передъ
Прости, свирепый
Онь рабъ.

За саид
Онь у колохато забор
Черны въ полк. н
Въ пустошь ауетъ
Передъ нивъ пустыни
Сидятъ зеленые тельны

Поэма «Кавказский пленник» была закончена им в конце 1820 года. Первую поэму «Руслан и Людмила» Пушкин писал три года, на вторую он потратил меньше полугода, начав её писать под впечатлением Кавказа, в который был «влюблён безумно».

В «Кавказском пленнике» Пушкин сделал первую в русской литературе попытку нарисовать романтический тип героя.

Сам Пушкин писал: «Кавказский пленник» — первый неудачный опыт характера, с которым я насилу сладил. В нём есть стихи моего сердца».

Описания в «Кавказском пленнике» не только красивы, но и точны, как путевой журнал. Это одно из основных различий между русским поэтом и Байроном, подражателем которого и тогда, и позднее считали Пушкина.

Влияние Байрона на Пушкина даже ближайшие друзья долго преувеличивали. Вдумчивый и тонкий знаток Пушкина, Л. Майков писал: «Литературные воззрения Пушкина слагались вообще очень самостоятельно и нередко наперекор приятельским мнениям».

Об этом писал и брат поэта: «Пушкин радостно преклонился перед Байроном, но не был, как утверждают некоторые, его вечным безусловным подражателем. Андрей Шенье, француз по имени и, конечно, по направлению таланта, сделался его поэтическим кумиром. Он первый в России и, кажется, даже в Европе оценил его».

Эту самостоятельность мысли и современники, и потомство долго недооценивали. Байронизм Пушкина стал одним из тех избитых, близоруких ложных понятий, которые так часто приклеивает ленивая мысль к великим людям, чтобы избавить себя от труда их понять.

Дж. Хейтер. Портрет С.С. Потоцкой

Авдотья Ильинична Истомина
выдающаяся русская балерина

Точных сведений, когда начата и закончена третья «южная» поэма «Бахчисарайский фонтан», нет. Согласно одной из бесчисленных гипотез, рассказала легенду и вдохновила Пушкина на создание поэмы Софья Станиславовна Потоцкая.

Первые наброски поэмы и связанные с нею пометки есть в черновиках рядом с окончанием «Кавказского пленника». Ещё в 1820 году в Крыму, побывав в Бахчисарае, Пушкин написал:

*Фонтан любви, фонтан живой!
Принес я в дар тебе две розы.
Люблю немолчный говор твой
И поэтические слезы...*

«Бахчисарайский фонтан» читался и покупался нарасхват. Восторг читателей разделяла и критика. Самую блестящую оценку поэмы дал П.А. Вяземский, сторонник нового литературного направления романтизма: «Поэт явил в новом произведении признаки дарования зреющего более и более... Рассказ у Пушкина жив и занимателен. В раму довольно тесную вложил он действие полное, не от множества лиц и сцепления разных приключений, но от искусства, с каким поэт сумел оттенить и выставить главные лица своего повествования...»

О грандиозном успехе поэмы свидетельствует и тот факт, что Карл Людовик Дидло, известный танцовщик и балетмейстер, поставил на её сюжет в Петербурге балет, где в главной партии была занята знаменитая балерина А.И. Истомина.

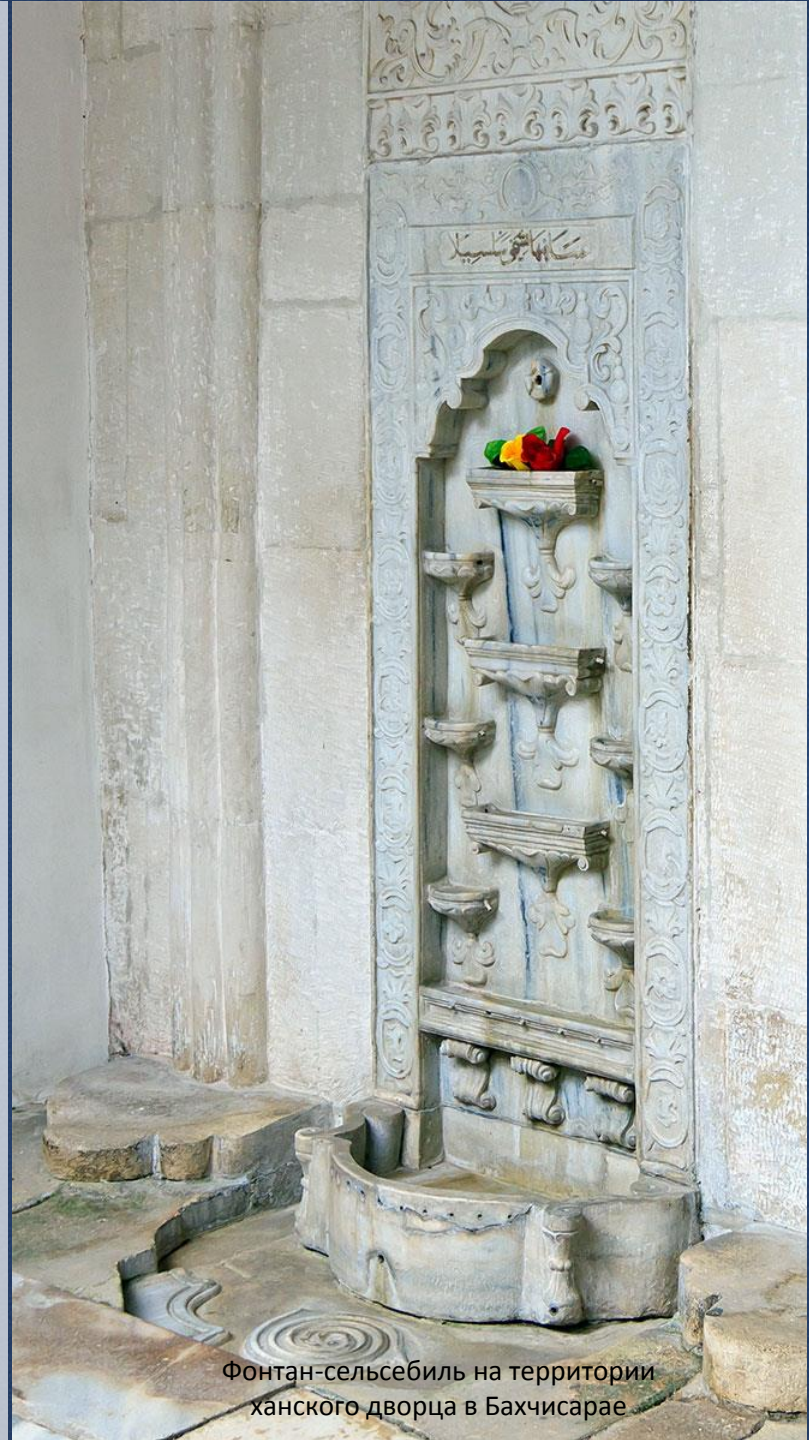
Гонорар, полученный Пушкиным за поэму «Бахчисарайский фонтан» (3000 рублей – четыре его годовых жалованья), открыл новую эпоху в истории русской литературы. Пушкин и здесь проложил новые пути, закладывая основу материальной независимости писателей. Он убедился, что можно жить пером, что *«не продаётся вдохновенье, но можно рукопись продать»*. Пушкин своими стихами, своей растущей уверенностью в высоком призвании поэта и писателя помогал освободить русскую литературу, находящуюся в зависимости от высоких покровителей.

Со всей силой гениального ума и гордой совести он боролся против пренебрежения к русским писателям, подготовив для них то почётное место, которое позднее заняли в России литераторы.

Всё, что Пушкин писал в Одессе, не только законченные произведения, но и черновые тетради, заметки, письма, всё отмечено печатью богатой, непрерывной, глубокой умственной жизни. Настала пора зрелости, мужественного напряжения всех сил.

*Я видел вновь приюты скал,
И темный кров уединенья,
Где я на пир воображенья
Бывало Музу призывал;
Там слаще голос мой звучал;
Там доле яркие виденья,
С неизъяснимою красой,
Вились, летали надо мной
В часы ночного вдохновенья.*

«Разговор книгопродавца с поэтом». 1824

Фонтан-сельсебиль на территории
ханского дворца в Бахчисарае

И.И. Олешкевич (?)
Портрет М.Н. Раевской
1824

Пушкин не хотел, чтобы потомки знали, кого именно любил он в 1820 году, о ком тосковал в 1823-ем, кого не забывал позже. Он сознательно «путал» даты под стихотворениями, придумывал «подставные» инициалы, правил тексты стихов, старательно избегая «личностей». Любовная лирика Пушкина полна непосредственности и предметности, в ней подлинное присутствие тех, кто зажигал душу певца. Пушкин не мог не петь любовь. Но имя возлюбленных таил он с ревнивым лукавством нежного любовника, с горделивой сдержанностью рыцаря.

Первой южной любовью Пушкина была Мария Раевская. Он встретил её, когда уже прошел сквозь ранний, но бурный любовный опыт, был умудрён в науке страсти нежной, в умении не только читать в женских сердцах, но играть ими. Но перед этой смуглой девочкой с черными локонами, с ясными глазами, с душой горячей и гордой, он растерялся. Влюбился в неё надолго, мучительно и робко. Даже не имел мужества признаться в любви:

*Он без надежд её любил,
Не докучал он ей мольбою:
Отказа б он не пережил.
...*

*Я помню море пред грозой:
Как я завидовал волнам,
Бегущим бурной чередой
С любовью лечь к ее ногам!
Как я желал тогда с волнами
Коснуться милых ног устами!
О ты, кого назвать не смею...*

С любовью к Марии Раевской связаны: «О дева роза, я в оковах...», «Редает облаков летучая гряда...», «Бахчисарайский фонтан», отдельные строфы в «Евгении Онегине», ряд неизданных, частью не отделанных черновиков и «Полтава».

И.К. Айвазовский
А.С. Пушкин и графиня Раевская у моря около Гурзуфа. 1886

В Одессе Пушкин был влюблён в двух женщин, совершенно различных и по характеру, и по общественному положению. Одна из них была графиня Елизавета Ксаверьевна Воронцова, другая – жена богатого негоцианта Амалия Ризнич.

Как сочетались в сердце Пушкина эти два увлечения, уживались ли они одновременно, или одно чувство пришло на смену другому – кто теперь узнает?

Амалия Ризнич - высокая и стройная красавица, с длинной черной косой, с горячими черными глазами, с ослепительно белой кожей, оригинально одетая, живая, кокетливая.

*Новая страсть налетела позже.
Простишь ли мне ревнивые мечты,
Моей любви безумное волненье?
Ты мне верна: зачем же любишь ты
Всегда пугать мое воображение?
Окружена поклонников толпой,
Зачем для всех казаться хочешь милой...
Мной овладев, мне разум омрачив,
Уверена в моей любви несчастной,
Не видишь ты, когда в толпе их страстной,
Беседы чужд, один и молчалив,
Терзаюсь я досадой одинокой...*

В самой отрывистости этого стихотворения, в наскоро набросанных картинах всё горит уже разделённой любовью.

Пушкин это написал в середине октября, а несколько дней спустя написал «Ночь» - гимн удовлетворенной страсти. Это только восемь строк, но в них сосредоточена ещё не слыханная в русской литературе заразительная страстность звука:

*Мой голос для тебя и ласковый, и томный
Тревожит позднее молчанье ночи темной.
Близ ложа моего печальная свеча
Горит; мои стихи, сливаясь и журча,
Текут, ручьи любви, текут, полны тобою.
Во тьме твои глаза блистают предо мною,
Мне улыбаются, и звуки слышу я:
Мой друг, мой нежный друг... люблю... твоя... твоя...*

Под этим в черновой тетради написано:
«Одесса. 26 октября 1823 г.».

Д. Хейтер. Портрет княгини Е.К. Воронцовой
1832

Графиня Елизавета Ксаверьевна Воронцова, Элиза, как звали её близкие, обладала не только внешним обаянием, но и внутренней прелестью ума и сердца. В Одессе она оставила о себе добрую память: основала первое в Новороссии Общество призрения больных, поддержала щедрым вкладом в 120 000 рублей первую в Одессе Стурдзовскую богадельню.

Не будь стихов Пушкина, трудно было бы восстановить живую прелесть женщины, царившей в одесском обществе. Но он сохранил в стихах её мягкую грацию, женственную нежность, ясность сердца. Казалось, всё их разъединяет: её положение в свете, обязанности матери и жены, репутация Пушкина, которого считали повесой, даже возраст – она была на семь лет старше. Но сумел поэт задеть, пленить, опалить её душу. И свою душу опалил на её тихом огне. Из всех возлюбленных Пушкина едва ли не одна только графиня Элиза дала ему полноту телесного и духовного счастья.

Он посвящал ей изумительные по силе чувства и тонкости его выражения стихи. Образ Воронцовой запечатлён в ряде стихов первоклассных и по форме, и по силе, и по красоте. «Желание Славы», «Сожжённое письмо», отчасти «Разговор книгопродавца с поэтом» (1824), «Прозерпина», «Талисман», «Ангел», «Расставание», «Заклинание» (1830) – всюду она.

Но самое прекрасное проявление её власти над душой поэта, это пленительный, совершенно новый в русской литературе образ Татьяны.

При расставании Воронцова подарила Пушкину перстень, с которым он никогда не расставался:

*Там, где море вечно плещет
На пустынные скалы,
Где луна теплее блещет
В сладкий час вечерней мглы,
Где, в гаремах наслаждаясь,
Дни проводит мусульман,
Там волшебница, ласкаясь,
Мне вручила талисман.*

Уезжая из Одессы в 1824 году, Пушкин навсегда расстался со своей волшебницей. Возможно, что они больше не встречались, а если и виделись, то один-два раза на людях в 1827—1828, а также летом 1832 года в Петербурге.

«До конца своей долгой жизни она сохраняла о Пушкине тёплое воспоминание и ежедневно читала его сочинения. Когда зрение совсем ей изменило, она приказывала читать их себе вслух и притом подряд, так что когда кончались все тома, чтение возобновлялось с первого тома» (П.И. Бартенев).

Отпечаток перстня-талисмана

Рисунок А.С. Пушкина

Е.К. Воронцова

20 сентября-22 октября 1829 г. Москва

Экспозиции Дома-музея А.С. Пушкина в Одессе

Не заметить пылких чувств поэта к собственной супруге граф Воронцов, естественно, не мог. Это не могло не усилить взаимной антипатии генерал-губернатора и рядового чиновника его канцелярии.

Борьба характеров и страстей не привела к трагической развязке. Все остались живы, никто ни в кого не стрелял. Граф Воронцов никогда бы не унился до дуэли со штатским молодым человеком из своей свиты. Но всё же между ними шёл поединок длительный, не знавший перемирий.

Оружием Пушкина были меткие остроты, которыми он точно стрелами стал осыпать Воронцова, как только, сквозь внешнее его благообразие, подметил его низкую и смешную сущность. Вся Одесса повторяла его остроты и эпиграммы, направленные против графа Воронцова:

*Полу-герой, полу-невежда,
К тому ж ещё полу-подлец!..
Но тут однако ж есть надежда,
Что полный будет наконец.*

Воронцов ответил более тяжёлым оружием – стал писать в Петербург жалобы и доносы.

Граф, впоследствии князь, Михаил Семенович Воронцов рано сделал блестящую военную карьеру, получил чины и ордена за покорение Кавказа, за Отечественную войну 1812 года, за европейские походы.

Он умел внешней обходительностью прикрывать внутреннюю сухую надменность. Воронцов хорошо знал тонкости придворной политики, умел прокладывать себе дорогу среди переменчивых настроений alexandrovского царствования.

Кто знал Воронцова ближе, чьи глаза смотрели зорче, тех его наружность не обманывала. Один из его подчинённых, сенатор К. И. Фишер вспоминал: *«Воронцовские мелкие интриги, нахальное лицепрятие и даже ложь уронили его совершенно в моём мнении, и я остался при том, что он был дрянной человек».*

Столкновение между этим холодным честолюбцем и Пушкиным было неизбежно.

Воронцову в Пушкине всё было неприятно – его вид, поведение, эпиграммы, талант, рост его популярности, которую уже начали называть славой, – вообще то, что он был Пушкин. Надо было или избавиться от этого подчиненного, или заставить его понять своё положение.

Портрет М.С. Воронцова
работы Джорджа Доу

Экспозиции Дома-музея А.С. Пушкина в Одессе

28 марта Воронцов послал министру иностранных дел, графу К. В. Нессельроде, письмо, в котором просил убрать поэта из Одессы:

«Я не могу пожаловаться на Пушкина за что-либо, напротив, казалось, он стал гораздо сдержаннее и умереннее прежнего, но собственный интерес молодого человека, не лишенного дарования и которого недостатки происходят скорее от ума, нежели от сердца, заставляет меня желать его удаления из Одессы.

Здесь есть много людей..., которые, будучи восторженными поклонниками его поэзии, стараются показать дружеское участие непомерным восхвалением его и оказывают ему через то вражескую услугу, ибо способствуют к затмению его головы и признанию себя отличным писателем, между тем, он в сущности только слабый подражатель весьма непочтенного оригинала, лорда Байрона и единственно трудом и долгим изучением истинно великих классических поэтов мог бы оплодотворить свои счастливые способности, в которых ему невозможно отказать».

Летом 1824 года, когда между ними произошел уже открытый разрыв, Пушкин в бешенстве писал А.И. Тургеневу: *«Он видел во мне коллежского секретаря, а я, признаюсь, думаю о себе что-то другое».*

11 июля граф К.В. Нессельроде написал М.С. Воронцову: «Правительство совершенно согласно с Вашими заключениями относительно Пушкина... Правительство приняло решение исключить Пушкина из списка чиновников Министерства иностранных дел, с объяснением, что мера эта вызвана его дурным поведением, а чтоб не оставить молодого человека вовсе без всякого присмотра... выслать Пушкина в имение его родных, в Псковскую губернию, подчинить его там надзору местных властей и приступить к исполнению этого решения немедленно, приняв на счёт казны издержки его путешествия до Пскова».

29 июля Пушкина вызвали в канцелярию одесского градоначальника и объявили, что на следующий день он должен ехать на север, в новую ссылку с точным указанием, через какие города он должен ехать.

Поэт не ожидал такой крутой расправы. Он надеялся, что ему дадут отставку, дадут возможность без помехи отдаться писательству – «бросить все, заняться рифмой».

1 августа 1824 года отставной коллежский секретарь Пушкин, получив 389 рублей прогонных и 150 рублей жалованья, выехал из Одессы в село Михайловское, псковское имение матери поэта.

И.К. Айвазовский
Прощание А.С. Пушкина с морем. 1877

Использованные источники

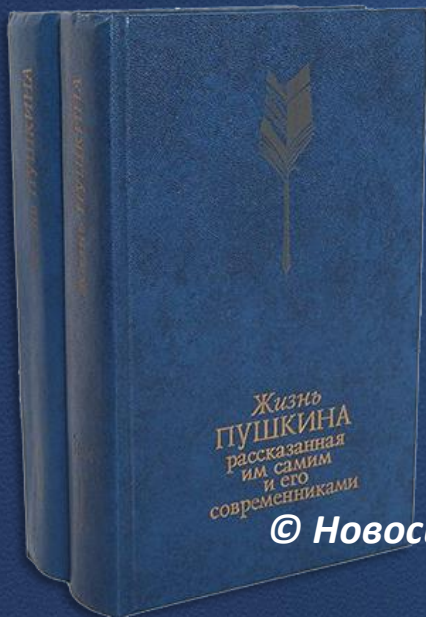
Тыркова-Вильямс, А.В. **Жизнь Пушкина**: в 2 Т. – М.: Молодая гвардия, 2004 . – Т. 1. С. 146-240 . – (Жизнь замечательных людей)

Жизнь Пушкина: Переписка; Воспоминания; Дневники. В 2-х томах. Т.1 / Сост., вступительные очерки и прим. В.В. Кунина . – М.: Правда, 1986 . – С. 330-565.

Александр Пушкин [Электронный ресурс]. – Режим доступа:
<http://pushkin.niv.ru/pushkin/family/portrety.htm>

Пушкин, Александр Сергеевич Википедия [Электронный ресурс]. – Режим доступа:
<https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9F%D1%83%D1%88%D0%BA%D0%B8%D0%BD>

История русской литературы XIX века [Электронный ресурс]. – Режим доступа:
http://istlit.ru/txt/ruslit19_1/61.

Пушкин Александр Сергеевич. Рисунки и портреты персонажей, сделанные великим поэтом [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://pushkin-art.ru/chronology/>

При оформлении использованы репродукции картин художников: И. К. Айвазовского, Г.Г. и Н.Г. Чернецовых, Дж. Хейтера, А.А. Киселева, И.И. Олешкевича, Дж. Доу

© Новосибирская областная детская библиотека им. А.М. Горького
Информационно-библиографический отдел